

MODERN SOVIET POETRY AND HUMOR

READ BY ALEXANDER DEMIDOV

FOLKWAYS RECORDS FL 99

PG
3233
D46
1962
c.1

MUSIC LP

CONTENTS:
1 sound disc
text

University of Alberta Library

0 1620 0506 6590

SIDE I
Band 1: THE DELIGHTS OF CULTURE:
Michael Michaelovich Zoschenko (1895-1958)

Band 2: THE DICTAPHONE:

Michael Michaelovich Zoschenko

Band 3: PASSPORT:

Vladimir Vladimirovich Mayakovsky (1893-1930)

SIDE II
Band 1: THE PUBLIC BATHS:
Michael Michaelovich Zoschenko

Band 2: THE ARISTOCRAT:

Michael Michaelovich Zoschenko

Band 3: HOMECOMING:

Sergey Alexandrovich Yesenin (1895-1925)

Band 4: FLOWERS:

Sergey Alexandrovich Yesenin

FOLKWAYS RECORDS FL 9962

LIBRARY OF CONGRESS CATALOG #R62-1294

DESCRIPTIVE NOTES ARE INSIDE POCKET

COVER DESIGN BY RONALD CLYNE

MODERN SOVIET POETRY AND HUMOR

MODERN SOVIET POETRY AND HUMOR

read by ALEXANDER DEMIDOV

(Notes: Translations by Misha Allen)

Biographical Sketches of the authors on this record:
Vladimir Vladimirovich Mayakovsky (1893-1930)

Mayakovsky was the poet of the Russian Revolution. He was born in the city of Bagdadi in Georgia. When he was thirteen his father passed away and the family moved to Moscow. His childhood was one of poverty and privation. At 15 Mayakovsky joined the Bolshevik faction of the Socialist party. Mayakovsky quit High School and became an agitator and propagandist. He was arrested several times for his activities. At this time Mayakovsky started to write verse. He was one of the founders of the futurist movement among the young poets of Russia. At a public meeting which took place shortly after the October Revolution he urged the artists to hail the Soviet Power. Mayakovsky became a painter of posters and composer of rhymes-jingles hailing the new regime.

Sergey Alexandrovich Yesenin: (1895-1925). To the age of seventeen he lived in a village in the province of Ryazan. He was brought up by his grandparents who were well to do peasants. He left his village and went to Moscow where he attended the people's university. His first book of poems appeared in 1916. He was then drafted into the army but deserted when the revolution broke out. He became prominent among the Imagists-a 1919 by-blow of the Futurists. As a poet he ranged, to borrow a critical bon mot, from cherub to hooligan. He was the Angry Man par excellence of his day.

Michael Michaelovich Zoschenko (1895-1958)

Zoschenko, a native of the Ukraine, was the son of an artist of noble descent. Dropping the law course at the University of St. Petersburg, he volunteered in 1914, served as an officer and was gassed and wounded. In 1918 he volunteered again, this time with the Red Army. After the Revolution came his wander years: he was carpenter, trapper, cobbler, policeman, detective, gambler, clerk, actor. In 1921 he was one of the founders of the literary circle, the Scrapion Brotherhood, which was to become so famous, and published his first story in 1922. According to his friends, Zoshchenko was a confirmed hypochondriac and much given to melancholy.

Zoshchenko in his short stories has evolved a language of his own (an English approximation of it can be found in the stories of Ring Lardner and Damon Runyon). The humor-

LIBRARY
UNIVERSITY OF ALBERTA

PG
3233
D46
1962

MUSIC LP

ist himself has written: "I write the same language that the man in the street talks and thinks in." Zoshchenko held up the mirror to the Soviet way of life. In the beginning when the Soviet ruling classes thought that all the prevailing shortcomings of the system are too pass away, Zoshchenko's humour was accepted as sort of a constructive criticism contribution.

SIDE I

Band 1: THE DELIGHTS OF CULTURE
Michael Michaelovich Zoschenko (1895-1958)

ПРЕЛЕСТИ КУЛЬТУРЫ.

Михаил Зощенко

Всегда я симпатизировал центральным убеждениям.

Даже вот, когда в эпоху военного коммунизма НЭП вводили, я не протестовал.

НЭП-так НЭП. Вам видней. Но, между прочим, при введении НЭПа сердце у меня отчаянно сжималось. Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены.

И, действительно, при военном коммунизме куда как было свободно в отношении культуры и цивилизации. Скажем, в театре можно было свободно даже не раздеваться- сиди в чем пришел. Это было достижение. А вопрос культуры это собачий вопрос. Хотя бы насчет того же раздевания в театре. Конечно слов нету, без пальто публика выгодней отличается-красивей и элегантней. Но что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком.

Товарищ Локтев и его дама Ниша Кошелькова на днях встретили меня на улице. Я гулял или, может быть, шел горло промочить, не помню.

Встречают и уговаривают:

-Горло,-говорят,-Василий Митрофанович, от вас не убежит. Горло завсегда при вас, завсегда его прополоскать успеете. Идемте лучше сегодня в театр. Спектакль-"Грелка"...

И, одним словом, уговорили меня пойти в театр-провести культурно вечер. Пришли мы, конечно, в театр. Взяли, конечно, билеты. Поднялись по лестнице. Вдур надзад кличут. Велят раздеваться.

Польта-говорят- сымайте.

Локтев, конечно, с дамой моментально скинули польта. А я, конечно, стою в раздумьи. Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето.

Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко. Прямо, думаю, срамота может сейчас произойти". Главное, рубаха нельзя сказать, что грязная. Но, конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита крупная. "Срамота, - думаю, - с такой крупной пуговицей в фойе идти". Я говорю своим:

-Прямо, - говорю-, товарищи, не знаю, чего и делать. Я сегодня одет неважно. Неловко как-то мне пальто сымать. Все-таки подтяжки там и сорочка опять же грубая.

Товарищ Локтев говорит:

- Ну, покажись.

Растегнулся я. Показываюсь.

- Да, говорит, - действительно, видик...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

- Я, - говорит, - лучше домой пойду. Я, говорит, - не могу, чтоб кавалеры в одних рубахах рядом со мной ходили. Вы бы, говорит, подштаники поверх штанов пристегнули. Довольно, говорит, вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить.

Я говорю:

- Я не знал, что я в театры иду, - дура какая. Я, может, пиджаки редко надеваю. Может, я их берегу, - что тогда? -

Стали мы думать, чего делать. Локтев, собака, говорит:

- Вот чего. Я, - говорит, - Василий Митрофанович, сейчас тебе свою жилетку дам. Надевай мою жилетку и ходи в ней, будто тебе все время в пиджаке жарко.

Растегнул он свой пиджак, стал шарить и щупать внутри себя.

-Ой, - говорит, - мать честная, я, - говорит, - сам сегодня не при жилетке.

Я, - говорит, - тебе лучше сейчас галстук дам, все-таки приличней. Привяжи на шею и ходи, будто тебе все время жарко.

Дама говорит:

-Лучше, - говорит, - я, ей-Богу, домой пойду. Мне, говорит, дома как-то спокойней. А те, говорит, один кавалер чуть не в подштаниках, а у другого галстук вместо пиджака. Пушай, говорит, Василий Митрофанович в пальто попросит пойти.

Пресим и умоляем, показываем союзные книжки - не пускают.

-Это, - говорят, - не девятнадцатый год в пальто сидеть.

-Ну, - говорю, - ничего не пропишешь. Кажись, братцы, надо домой ползти...

Но как подумаю, что деньги заплачены, не могу идти - ноги не идут к выходу.

Локтев, собака, говорит:

-Вот чего. Ты, - говорит, - подтяжки отстегни, пушай их дама понесет вместо сумочки. А сам валяй, как есть: будто у тебя летняя рубашка "апах", и тебе, одним словом, в ней все время жарко.

Дама говорит:

- Я подтяжки не понесу, как хотите. Я, - говорит, - не для того в театры хожу, чтоб мужские предметы в руках носить. Пушай Василий Митрофанович сам несет или в карман себе сунет.

Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын. А холед довольно собачий.

Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публики смотрит.

Дама говорит:

-Скорей вы, подлец этакий, отстегивайте помочи. Народ же кругом ходит Ой, ей-Богу, я лучше домой сейчас пойду.

А мне скоро тоже не отстегнуть. Мне холодно. У меня, может пальцы не слушаются

сразу отстегивать. Я упражнения руками делаю. После приводим себя в порядок и садимся на места. Первый акт проходит хорошо. Только что холодно.

Я весь акт гимнастикой занимался. Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют насчет меня.

-Дамам, - говорят, - противно на ночные рубашки глядеть. Это, говорят, их шокирует. Кроме того, говорят, он все время вертится, как сукин сын.

Я говорю:

- Я верчусь от холода. Посидите - ка в одной рубахе. А я, говорю, братцы, и сам не рад. Что же сделать? Волокут меня, конечно, в контору. Записывают все, как есть.

После отпускают.

-А теперь, - говорят, - придется трешку по суду отдать.

Вот гадость-то! Прямо не угадаешь, откуда неприятности....

THE DELIGHTS OF CULTURE (Prelesty Kulturyi)

I have always sympathized with the official Party Line. I did not even protest against the NEP, introduced during the period of Military Communism. You might have seen it more clearly, but I must admit, my heart was broken when they introduced the NEP. It was as if I had a premonition of some drastic changes that were about to take place. And, really have there ever been in existence such freedoms with respect to culture and civilized living as one enjoyed during the period of Military Communism?

Take the theater, for example, it was perfectly all right to sit there with your overcoat on. You would just come in and sit down. There is no question about it, an audience that does not wear overcoats is more elegant. But things that are true under the bourgeois system do not always apply to us.

The other evening I ran into comrade Loktev and his lady friend. I don't quite remember whether I was just taking a walk or whether my throat was dry, and I was on my way to have a drink or two, to wet my throat. They immediately began persuading me that I join them. "Your throat can wait, it will be there also tomorrow, rest assured, come with us to the theater, the show is 'Heartwormer'..."

In a word I let myself be persuaded into joining them for a cultural evening at the theater.

We obtained our tickets and started walking up the stairs, when they called us back. We were told to take our overcoats off.

Loktev and his lady friend immediately removed their overcoats, but I sort of hesitated. On that particular evening I happened to wear my coat over my nightshirt. I wore no jacket, and, brothers dear, I felt that it would be embarrassing to take off my overcoat. "It would be disgraceful" I said to myself. Especially since the shirt while not exactly dirty, mind you, was of coarse material, that of a nightshirt. It was fastened at the neck by a army great coat button. "It would be disgraceful to walk around in the foyer and display that huge button" - I said to myself.

"I simply don't know what to do, comrades", I said to my friends, "It just so happens that I am not very well dressed this evening, and don't feel like taking off my overcoat. The shirt that I've got on is rather coarse, and then the suspenders---

"Let's have a look", says Loktev. I unbuttoned my coat.

"Yes", says he, "Quite a sight"...

The lady of course, also took a look and said:

"I'd rather go home, I simply couldn't stand having an escort who is wearing a nightshirt. In case you don't find your present state of disarray sufficiently embarrassing for the theater, perhaps you should pull your underwear over the pants?!"

I had no idea that I was going to the theater. Fool that she is! Maybe I had a reason for leaving my jacket at home, not wishing to wear it out.

Then Loktev, the dog, says: "I shall lend you my vest. Wear it as if you felt too warm in a jacket." He began to unbutton his jacket. "Oh, mother", he says "I left my vest at home. I'll let you have my tie. Put it on, you will look more presentable, just pretend that you are too warm in a jacket." The lady says: "Upon my word, I am going home, it will somehow be cozier there than to be sitting here among two cavaliers, one of whom is practically in his underclothes, and the other without a necktie. Why won't Vasili Mitrofanovich ask for permission to remain in his overcoat?" We tried, even showed our Union cards. No go. "This is not 1919" - was their reply.

I had decided to leave, but somehow my feet would not obey me, after all the trouble of coming to the theater and spending the money on a ticket.

Loktev, the dog, comes up with a new idea. "Remove your suspenders, let the lady hold them as if they were a little purse while you wear the shirt 'a' l'apache", in summer fashion like, so to say and act as if you were too warm in a jacket".

"I am not going to carry around his suspenders", declared the lady "this is not why I am here, Vasili Mitrofanovich, he can either hold his own suspenders or put them in his pocket."

I removed my coat, and there I was in my nightshirt, like a son of a bitch. It was pretty cold up there, and soon my teeth began to chatter. In the meantime people were beginning to notice me.

"Hurry up, you low life, and remove your suspenders, everyone is looking at us", hissed the lady angrily.

Perhaps I had trouble with the buttons? Maybe my fingers were stiff and refused to obey me?

Having put myself in shape, we took our seats. The first act passed by uneventfully, except that I was cold, and kept on fidgeting to get warm. Suddenly, during the intermission, people began to complain. The ladies, they claimed, were offended and disgusted at the sight, besides I was moving around too much.

I told them, of course, that I found it difficult to sit still because I was cold. "How would you like it, brothers, if you had to sit here with only a shirt on?" - It did not help. I was ushered into the office. Of course, nothing will come of it, but in the meantime I shall have to appear in court.

One runs into these annoyances at the most unexpected places.

ДИКТОФОН

Ах, до чего, все-таки, американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы Жиллет, вращение земли вокруг своей оси-все это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами.

А теперь извольте: снова осчастливлено человечество-подарили американцы миру особую машину-диктофон.

Конечно, может, эта машина несколько и раньше придумана, но нам-то прислали ее только что.

Это был торжественный и замечательный день, когда прислали эту машинку.

Масса народу собралось посмотреть на эту диковинку.

Многоуважаемый всеми Константин Иванович Деревяшкин снял с машины чехол и благовейно обтер ее тряпочкой. И в ту минуту мы воочию убедились, какой это великий гений изобрел ее. Действительно: масса винтиков, валиков и хитроумных загонюлинок бросилось нам в лицо. Было даже удивительно подумать, как эта машинка, столь нежная и хрупкая на вид, может работать и соответствовать своему назначению.

Ах, Америка, Америка, - какая это великая страна!

Когда машина была осмотрена, многоуважаемый всеми товарищ Деревяшкин, похвально отозвавшись об американцах, сказал несколько вступительных слов о пользе гениальных изобретений. Потом было приступлено к практическим опытам.

- Кто из вас, - сказал Константин Иванович, - желает сказать несколько слов в этот гениальный аппарат?

Тут выступил уважаемый товарищ Тыкин, Василий. Худой такой, длинный, по шестому разряду получающий жалованье плюс за сверхурочные.

Дозвольте, - говорит, - мне испробовать. Разрешили ему.

Подожел он к машинке не без некоторого волнения, долго думал, чего бы ему такое сказать, но ничего не придумал и, махнув рукой, отошел от машины искренне горюя о своей малограмотности.

Затем подошел другой. Этот, не долго думая, крикнул в открытый рупор:

-Эй ты, чортова дура!

Тотчас открыли крышку, вынули валик, вставили его куда следует - и что же? - доподлинно и точно валик передал всем присутствующим вышеуказанные слова. Тогда восхищенные зрители наперебыв протискивались к трубе, пробуя говорить то одну, то другую фразу или лозунг. Машинка послушно записывала все в точности.

Тут снова выступил Василий Тыкин, получающий жалованье по шестому разряду плюс сверхурочные, и предложил кому-нибудь из общества и прилично заругаться в трубу.

Многоуважаемый Константин Иванович Деревяшкин сначала категорически воспретил ругаться в рупор и даже топнул ногой, но потом, после некоторого колебания, увлеченный этой идеей, велел позвать из соседнего дома бывшего черноморца - отчаянного ругателя и буйна.

Черноморец не заставил себя долго ждать - явился.

- Куда, - спрашивает, - ругаться? В какое отверстие?

Ну, указали ему, конечно. А он как, загнет - аж сам многоуважаемый Деревяшкин руками развел, - дескать, здорово пущено, это вам не Америка. Засим, еле оторвав черноморца от трубы, поставили валик. И действительно аппарат опять в точности и неуклонно произвел запись.

Тогда все снова стали подходить, пробуя ругаться в отверстие на все лады и наречия. Потом стали изображать различные звуки: хлопали в ладоши, делали ногами чечетку, щелкали языком - машинка действовала безотлагательно.

Тут действительно все увидели, насколько велико и гениально это изобретение. Единственно только жаль, что эта машинка оказалась несколько хрупкая и неприспособленная к резким звукам. Так например, Константин Иванович выстрелил из нагана, и, конечно, не в трубу, а, так сказать, сбоку, чтобы для истории запечатлеть на валик звук выстрела - и что же? оказалось, что машинка испортилась, сдала.

С этой стороны лавры американских изобретателей и спекулянтов несколько меркнули и понижаются.

Впрочем, заслуга ихняя все же велика и значительна перед лицом человечества.

THE DICTAPHONE (Diktofon)

Oh, what sharp people the Americans are! What amazing discoveries and inventions they have made! Steam, Gillette safety razors the rotation of the earth around its axis - all these things have been invented and discovered by the Americans and in part by the English.

And now permit me: humanity has once more been made happy - the Americans have given the world a most remarkable machine - the dictophone.

Of course it is possible that this machine was invented some time ago, but we have received one just now.

It was a wonderful day when they sent that machine over. Many people came to have a look at the dictophone. The highly respected by all, Konstantin Ivanovich Derevyashkin removed the cover and reverently wiped the machine. At that moment we became convinced that the machine had been invented by a genius.

Really what a mass of cylinders and clever little gadgets appeared before our eyes! It was amazing to think that such a delicate and frail apparatus could function at all, and according to plan. Oh, America, America, what a great country it is!

After the machine had been examined, the most respected comrade Derevyashkin, having made some complimentary remarks about the Americans said a few introductory words of praise of ingenious inventiveness. We were then ready for practical experimentation. - Who would like to say a few words into this clever apparatus? Here stepped out the highly honoured comrade Tikin, Vassyl. A lanky, fellow, receiving sixth category wages, plus overtime. - Allow me to try it out - They let him.

He approached the machine, not without a certain excitement, stood there for a while, but was not able to think of anything to say and walked away with a wave of his hand, sincerely regretting his ignorance.

Then someone else came over and yelled into the open mike: "Hey, you, damned fool!" The top was then lifted the cylinder removed and placed into the proper opening and what do you think?

The above mentioned words were repeated exactly in front of all those assembled. The people began to crowd in front of the machine yelling all sort of phrases slogans. The machine recorded everything exactly.

Here again Vassyl Tikin who receives sixth category wages plus bonuses, stepped out and suggested that someone should curse into the mike.

The highly respected Konstantin Ivanovich refused categorically to allow the use of bad language near the mike, he even stamped his foot, but after some agitation, having been taken in by the idea, ordered that a former sailor of the Black Sea Fleet, and well known ruffian be called in from the neighbourhood. The sailor did not keep us waiting.

"Where" - he asked - "Am I to start swearing through which opening?" Of course, they showed him, and, when he got going, even the highly esteemed Derevyashkin began to wave his arms, as if to say "pretty strong stuff", this isn't America..."

We tore the sailor away from the mike and put on the cylinder. Once again the recording was exact.

Then everyone began aiming from all sides into the opening. They started to make all kind of noises: clapping, tap dancing, snapping their fingers. The machine recorded everything without delay.

Everyone realized how great and ingenious the invention really was.

Unfortunately it turned out to be somewhat brittle and incapable of absorbing sharp sounds.

Thus, for example Konstantin Ivanovich fired his gun, not into the cylinder, of course, but slightly to the side, in order to record for posterity the sound of a shot, and what do you think happened?

The machine gave out.

In this respect the laurels of the American inventors and speculators appear to be slightly faded.

Nevertheless their service to humanity is considerable.

Band 3: PASSPORT
Vladimir Vladimirovich Mayakovsky
(1893-1930)

Владимир Маяковский.

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ.

Я волком бы	выгрыз	С почтеньем
К мандатам	бюрократизм.	берут, напрмер,
К любым	почтения нету.	с двухспальным
	чертям с матерями	английским левою.
любая бумажка.	катись	Глазами
	Но эту.....	доброе дядю выв,
По длинному фронту	купе	не переставая
	и какт	кланятся,
чиновник	учтивый	берут,
	движется.	как будто берут чаевые,
Сдают паспорта,	и я	паспорт американца.
	сдаю	На польский-
мою	пурпурную книжицу.	глядят,
К одним паспортам-	улыбка у рта.	как в афишу коза.
К другим-	отношение плевое.	На польский-
		выпяливают глаза
		ЕЛХХ в тугой
		полицейской слоновости-
		откуда, мол,
		и что это за
		географические новости?
		И не повернув
		головы кочан,

и чувств
никаких не изведав,
берут, не моргнув,
и разных паспорт дагчан
прочих шведов.
И вдруг, как будто
ожогом, рот
скривило господину.
Это господин чиновник
берет мою краснокожую паспортину.
Берет- как бомбу,
берет- как ежа,
как бритву обоюдоострую,
берет, как гремучую
змею в 26 жал,
двухметроворостую.
Моргнул многозначуща
глаз носильщика,
хоть вещи снесет задаром вам.

Жандарм
вопросительно
сыщик на сыщика,
на жандарма.
С каким наслаждением
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то, что в руках у меня
молокастый,
серпастый советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз бюрократизм.
К мандатам почтения нету.
К любым чертям с матерями
катись любая бумажка.
Но эту....
я достаю из широких штанин
дубликатом бесценного груза.
Читайте, завидуйте,
я- гражданин
Советского Союза.

LINES ON A SOVIET PASSPORT (Stikhi O Sovetskom Pasporte)

Like a wolf
I'd gnaw clean
all bureaucratism.
Before mandates
I never
fall prone.
For all of me
all papers
can go plumb to hell-
All, that is, but
just one
that I own.
Down the long row
of cabins, or train seats,
An official moves
with
due deference;
The passengers hand over
passports;
I, too,
Hand over my
purplish-red
reference.
Some passports
evoke
the warmest of smiles,

Whilst others
are treated with
chilliest scorn -
But there's always
the deepest respect
for the British
Lion
forenrest -
Unicorn.
They'll always snub some
good natured
slob,
Or squelch some
poor soul
with a look;
Then
scraping and bowing,
as if getting a tip,
They'll receive
an American's
book.
The way
goats
at billboards stare,
At passports from
Poland
they glare
With a policemanish
pachydermal
ponderosity:
"Who ever heard of this
geographical
monstrosity?"
Their cabbage heads pay
little
heed,
Show no interest
and still less
dismay
Over papers of
Dane
or of Swede,
Of Greek,
or of Turk
or Malay.
But suddenly something
pains the bureaucrat's puss.
Something
bothers
the official gent:
He's got
to pick up
from this Russ
His red-bound
Soviet
document.
He picks it up like a
quilled
porcupine;
He picks it up like a
fifteen-foot
rattler
Or a honed
razor
with a double - edged blade.

The porter looks willing
 his tip
 to forego-
 He winks, lays a finger
 alongside his nose;
 But the
 dick in plain clothes,
 he looks at the gendarme
 And the gendarme,
 he looks at the
 dick in plain clothes.
 The whole gendarme
 caste
 would be glad to work over me;
 To crucify me
 They'd be only
 too tickled,
 Because my Red passport
 is Soviety,
 Hammery;
 Because it is Starred,
 because it is
 Sickled.
 Like a wolf
 I'd gnaw clean
 all bureaucratism.
 Before mandates
 I never fall prone.
 For all of me
 all papers
 can go plumb to hell-
 All, that is, but
 just one
 that I own.
 It is a manifest,
 you benighted fellows,
 Of a priceless
 cargo
 marked by a Star;
 Go on and read it!
 You're right to be
 jealous:
 I am a
 citizen
 of the USSR.

(From An Anthology of Russian Literature-translated by
 Bernard Guilbert Guerney-Pub. Modern Library Paperback)

БАНЯ

Говорят, граждане, в Америке бани отличные.

Туда, например, гражданин приедет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспокоится даже не будет-мол, кража или пропажа, номерка даже не возьмет. Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банщику - Гут бай, дескать, присмотри. Только и всего.

Помоется этот американец, назад придет, а ему чистое белье подадут-стираное и глаженое. Портянки, небось, белее снега. Подштаники защиты, заплаты. Житьишко! А у нас бани тоже ничего. Не хуже. Хотя мыться тоже можно. У нас только с номерками беда. Прошлую субботу я пошел в баню (не ехать же, думаю, в Америку),- дают два номерка. Один за белье, другой за пальто с шапкой. А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать-некуда. Карманов нету. Кругом- живот да ноги. Грех один с номерками к бороде не привяжешь. Ну, привязал я к ногам, чтоб не враз потерять.

Вошел в баню. Номерки теперича по ногам хлопают. Ходить скучно. А ходить надо. Потому шайку надо. Без шайки какое ж мытье? Грех один. Ищу шайку.

Гляжу, один гражданин в трех шайках моется. В одной стоит. в другой башку мылит, а третью левой рукой придерживает, чтоб не сперли.. Потянул я третью шайку, хотел между прочим, ее себе взять, а гражданин не выпускает.

- Ты что ж это,- говорит,- чужие шайки воруюшь? Как ляпну тебе шайкой между глаз-- не зарадуешься.

Я говорю:

- Не царский, говорю, режим шайками ляпать. Эгоизм, говорю, какой. Надо же говорю, идругим помыться. Не в театре, говорю. А он задом повернулся и моется.

"Не стоять же4- думаю,-над его душой. Теперича, я думаю, он нарочно три дня будет мыться." Пошел дальше. Через час гляжу, какой-то дядя заезавался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался- не знаю. А только тую шайку я взял себе. Теперича и шайка есть, а сесть- негде А стая мыться- какое же мытье? Грех один. Хорошо. Стою стая, держу шайку

в руке, моюсь. А кругом-то, батюшки-светы, стирка самосильно идет. Один штаны моет, другой подштаники трет, третий еще что-то крутит. И шум такой стоит от стирки- мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

- Ну их, - думаю в болото. Дома домоюсь.

Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу- все мое, штаны не мои.

- Граждане, - говорю, - на моих тут дырка была. А на этих звон где.

А банщик говорит:

- Мы ,говорит, за дырками не приставлены. Не в театре, говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальто. Пальто не выдают- номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо. Снял штаны, ищу номерок- нету номерка. Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка. Подаю банщику веревку- не хочет.

-По веревке, -говорит, - не выдаю. Это ,говорит, каждый гражданин настрижет веревек, пальто не напасешься. Обожди, говорит, когда публика разойдется выдам, какое останется.

Я говорю:

- Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, говорю. Выдай, говорю, по приметам. Один, говорю, карман рваный, другого нету. Что ка-саемо пугевиц, то, говорю, верхняя есть, нижних же не предвидится.

Все-таки выдал. И веревку не взял. Оделся я , вышел на улицу. Вдруг вспомнил мыло забыл. Вернулся снова. В пальто не впускают.

- Раздевайтесь, - говорят

Я говорю:

-Я , граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, говорю.

Выдайте тогда хоть стоимость мыла. Не дадут. Не дадут- не надо. Пошел без мыла.

Конечно, читатель может полюбопытствовать: какая, дескать, это баня?

Где она? Адрес? Какая баня? Обыкновенная. Которая за гривенник.

The Public Baths. (Bania)

They say, citizens, that public baths in America are excellent. For instance, there a citizen would come to a public bath, throw his underclothes into a special box, and off he goes to wash himself. He wouldn't worry at all about thefts or losses - he wouldn't even ask for a check for his clothes.

Well, a worryward American citizen, might say to the guy in charge "Gut bye" - meaning, "keep an eye on the stuff, that is about all. So he would finish washing himself and when he comes back they would hand him his underclothes, all laundered and beautifully ironed. His foot-rags perhaps, white as snow. His underpants all properly sewn up and darned where necessary. A fine life!

As for ourselves, well, our public baths are also allright. Although not as good. Well, you can manage to wash yourself in them also. The main trouble we have is with those tickets. Last Saturday I went to one of our public baths (surely you don't expect me to go to AMERICA) and they gave me two little tickets. One for my underclothes, the other for my overcoat and cap.

Well, what can a naked man do with the tickets? He has nowhere to put them. There are no pockets. All you have around you is your belly and legs. The tickets are a real nuisance. You can't tie them to your beard. Well, I tied one ticket to each leg, so as not to lose them both at once and there I go inside the wash-room.

The tickets, naturally flop, against my legs, and it is not at all pleasant to walk with them. But you have to walk because you must find a bucket in which to wash yourself. You can't wash yourself without a bucket. So I look around for a bucket. There is one fellow washing himself in three buckets at once. He stands in one, soaps his head in another and is holding on to the third one with his left hand, so other fellows would not pinch it. I got hold of the third bucket and tried to pull it away from him but he would not let it go.

"Eh, what is this", he says. "Look out or I'll crack your noggin with the bucket. You won't like that".

I reply:

"This is not the old regime", you can't hit people with buckets. It is downright selfishness, that's what it is. Haven't other people the right to wash?" But he turned his behind on me and went on soaping his head. "Well", I thought, "I can't stand over him for hours. He will now on purpose go on washing himself for days.

So I went on further.

An hour later or so, I saw a fellow gaping about, leaving his bucket unguarded. I don't know whether he was looking for his soap or just day dreaming - but this bucket I snatched and cleared off.

Well I have the bucket but there is no room to sit down. And to wash oneself standing up, what pleasure is there? However there I am standing holding on to my bucket with one hand and washing myself with the other. And all around me, Holy Smoke, the laundering that is going on. One man is washing his trousers, another rubs his underwear a third one wrings something else out. The noise is terrible, you lose the desire to wash yourself. You don't feel where you rub your own soap. To hell with them I decide. I'll finish washing at home.

So I go back to the cloak room. They give me back my underclothes and the rest in exchange for one ticket. I check everything is mine except my trousers.

"Citizens", I say "I had a hole in my trousers just here. There is no hole in these".

And they tell me:

"Do you think that we are here appointed to watch over your holes?" This is no theater, you know"...

Well, I put on these trousers and go to fetch my overcoat. But they will not let me have my overcoat without a ticket. And the other ticket is tied down to my leg. So I undress again and look for it. I take off my trousers but the ticket is not there. The string is there, but no cardboard on it. I guess the little piece of cardboard got washed away.

I hand the string to the attendant - he would not take it from me. "I can't let you have an overcoat for a string" - he says. Anybody can cup up little strings and bring them to me to claim overcoats. I will not have enough overcoats to go around. Wait he says till everyone goes home what is left you will get."

"My little brother dear" I say "but what if the worst coat is left over? After all this is not a theater as you say. Give it out on my description. One pocket is torn, the other is missing. As to buttons the top one is around, the bottom one is not there." Well he gave me the coat. Did not even take the string. I got dressed and got out into the street. Then all of a sudden I remembered that I left my soap behind. Back I went but they didn't let me in in my clothes.

"You must undress" they tell me.

I reply:

"I can't undress for the third time, citizens. Is it a theater here, or what... At least pay me for the cost of the soap."

They would not pay me the cost.

Well they don't so they don't. I went home without the soap. Of course, the reader might be curious to know what kind of a Public Bath is it. Where is it? At what address.

What sort of public baths? The usual kind. Where you pay ten kopecks admission.

Band 2: THE ARISTOCRAT
Michael Michaelovich Zoschenko

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

АРИСТОКРАТКА

Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фельдикосовне, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней

- Не знаю,- говорит.

И сама в буфет прет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные. А я таким гусем, таким буржуем нерезанным вьюсь вокруг нее и предлагаю:

- Ежели,- говорю,-вам охота скншать одно пирожное, то не стесняйтесь.

Я заплачу.

- Мерси-говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом жрет.

А денег у меня- кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кучает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег -с гулькин нос.

С оела она с кремом , цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня

этакая буржуиская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается

Я говорю:

- Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть? А она говорит:

- Нет.

И берет третье.

Я говорю:

-Натошак- не много ли? Может вытошнить. А она:

- Нет,- говорит,- мы привыкли.

И берет четвертое. Тут ударила мне : кровь в голову.

-Ложи,-говорю,-взад!

А она испужалась. Открыла рот. А во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

- Ложи,-говорю,- к чортовой матери!

Полежила она назад. А я говорю хозяину:

-Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индиферентно-ваньку валяет.

- С вас,-говорит,- за скушанные четыре штуки столько-то.

- Как,-говорю,- за четыре? Когда четвертое в блюде находится.

-Нету,-отвечает- хотя оно и в блюде находится, но надкус на нем сделан, и пальцем смято.

- Как,- говорю,- надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.
А хозяин держится индифферентно-перед рожей руками крутит.
Ну, народ, конечно собрался. Эксперты. Одни говорят-надкус сделан,
и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою
идеологию во всем объеме.
А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря.
Чулочки на ней, зуб золоченый.
-Откуда,-говорю-ты, гражданка. Из какого номера?
- Я, говорит,- из седьмого.
- Пожалуйста,- говорю,- живите.
И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой
номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка
в смысле перчи водопровода и уборной? Действуют?
- Да,- отвечает,- действуют.
И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами
стрижет. И зуб во рту блестит. Походил я к ней месяц- привыкла. Стала
подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам Григорий
Иванович.
Дальше-больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она
велит под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего
сказать- не знаю, и перед народом совестно. Ну, а раз она мне и говорит:
-Что вы, говорит, меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы
говорит, как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.
- Можно,- говорю.
И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет
я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал. На билеты я не
посмотрел, а они разные. Который мой внизу сидеть, а который Васькин-
аж на самой галерке.
Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я на Васькин. Сижу
на верхотурьи и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее
вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу антракт. А они
в антракте ходит.
- Здравствуйте,- говорю

- Здравствуйте.
- Интересно,-говорю,действует ли тут водопровод?
другие - нету. А я вывернул карманы- всякое , конечно, барахло на пол
вывалилось-народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю. Сосчитал
деньги- в обрез за четыре штуки. Зря мать честная, спорил. Заплатил.
Обращаюсь к даме:
- Докушайте,-говорю,- гражданка. Заплачено. А дама не двигается.
И конфузится докупивать. А тут какой-то дядя ввязался.
- Давай,- говорит,- я докушаю.
И докушал, сволочь. За мои-то деньги. Сели в театр. Досмотрели оперу.
И домой. А у лома она мне и говорит:
- Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег - не ездят с
дамами.
А я говорю:
- Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение. Так мы с ней
и разошлись. Не нравятся мне аристократки.

THE ARISTOCRAT (Aristokeatka)

I, brothers don't like females who wear hats. If a female wears a hat, silk stockings, carries a little dog in her arms or has a golden tooth, such as aristocrat, as far as I am concerned, is not a woman, but simply a smooth place, if you know what I mean.

But, nevertheless, I, too, had been taken in once by a certain aristocratic woman. Went out with her, took her to the theater. At the theater it all came out in the open. It was at the theater that she unfolded and revealed her true ideology.

I met her in the yard of the apartment house where we lived, at a tenants' meeting. There she was standing, all dolled up, silk stockings, a golden tooth.

"Where are you from, citizen, what is the number of your apartment?" -

"Number seven" - she replies.

"By all means, live there in peace" - I says. I liked her terribly from the very start. I started dropping in on her at Number 7. I would come in as if in an official capacity, so to say.

"Are the plumbing and toilet functioning?" - I would ask.

"Yes, they are", - she would reply, wrapping herself in her shawl, and not another murmur. Only her eyes cut right through me, and the gold tooth glistened.

I kept on visiting her for about a month. She got used to me. Began to answer in greater detail, namely: "The plumbing is functioning, thank you, Grigory Ivanovich"...

Later on we began to take walks together. On the street she would tell me to take her arm. I would do so, and walk around alongside of all those people feeling like a dope, not knowing what to talk about.

One day she says to me: "Why are you leading me around the streets? I am getting dizzy. As a cavalier, and a official, you ought to take me to the theater, for example." -

I agreed.

It just so happened that on the following day the Party Cell to which I belong was giving out tickets to the Opera. One ticket was given to me, and the other one I scrounged from Vaska, the locksmith. I did not bother examining them. It turned out that they were different. Mine was for downstairs and Vaska's for the very top gallery.

We came to the theater, took our separate seats...She sat on my ticket, while I used Vaska's. There I was way up on top, not being able to see a damned thing, but, when I bent over the rail, I was able to see her; not too well, mind you, but there she was.

I got kinda lonesome and came downstairs. The intermission followed shortly. We met in the lobby.

"Good day" - I says.

"Good day" -

"I wonder" - I says, "does the plumbing work here?" -

"I don't know" - she replies, trying to get near the snack stand. I followed her. She gets near the counter and starts looking at a tray and on the tray there are pastries. And I, like a bourgeois goose, fuss about her and say: "If you feel like having one of them, do not be embarrassed. I shall pay for it".

"Merci" - she replies

Suddenly she walks over with a (immoral) gait, grabs one with whipped cream on the top and starts putting it away. I did not have very much money with me, enough to pay for three slices (cuts) at the most.

She eats, while I search my pockets for money, but there is hardly any there. Having finished the first one, with the whipped cream, she grabs a second one. I kept quiet. I had somehow been overcome by a bourgeois feeling of shame. There, a cavalier and no money. I walk around her like a rooster, while she giggles, fishing for compliments. I say "isn't it time to return to our seats? Perhaps they rang the bell?"

"No" - she replies and takes a third one. I said "On my empty stomach they might make you throw up..."

"No" - she replies - "We are used to them" - and reaches

for a fourth one. Here the blood rushed to my head. "Put it back" - I said. She seemed kind of frightened. Opened her mouth. The gold tooth is shining as ever. As for me I lost my temper completely. She won't bother with me anyhow from now on, I said to myself.

"Put it back, to the devil with it" - I shouted.

She replaced the cake, and I turned to the proprietor: "What do we owe you for 3 consumed cakes?"

The owner looks at me indifferently, acting innocent like, "You owe me" - he says, "for four cakes, so much and so much"...

"Why four? The fourth one is still on the tray!"

"Yes, it is there, but there are bite marks on it and it is crushed".

"These are not bite marks, you are imagining things" - I reply. The attendant waves his hands. A crowd gathered around us. All kind of experts.

One says there are tooth marks others disagree. I turned my pockets inside out, - of course all kind of trash fell on the floor, people are laughing. I somehow don't find it funny. I count my money, exactly enough for four pieces. There was no need to make a fuss. I pay for the cakes and turn to the lady: "Finish eating it, citizen, it is paid for". She stands still, too embarrassed to eat. Some old man spoke up. "Let me finish it". And so he did the lout, for my money.

We took our seats again, finished watching the opera and left the theater. When we got home she turned to me: "I've had enough of your miserable behaviour, one should not take a lady out if one has no money".

I replied:

"Not in money, citizen, lies happiness, if you'll pardon my expression". And so we parted for good. I don't like aristocratic broads.

Band 3: HOMECOMING
Sergey Alexandrovich Yesenin (1895-1925)

Сергей Есенин.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ.

Я посетил родимые места,
Тв сельшину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовой вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном не машет,

И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупы чатую кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.
По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

"Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?" -
"Татьяна...Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?" -
"Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?"
"Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!"
Ах, дедушка, ужели это ты?"
И полилась печальная беседа
Слезями теплыми на пыльные кусты.

"Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...
А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться".
Он говорит, а сам все морщит лоб.
"Да!...Время!...
Ты не коммунист?"
"Нет!..."
"А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! просто удавиться!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уже хожу украдкой в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится..."

Пойдем домой -
Ты все увидишь сам".
И мы идем, топчя межой кукольной.
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на колокольню.

"Здорово, мать! Здорово!"
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаются может и кривая,
Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя, -

